

Загадка золотого кинжала

«Загадка золотого кинжала»

Юная девушка заколота в спину кинжалом турецкого султана!

«Сторож «Высоких Вязов»

Ходят слухи, что на ферме водятся призраки. Ее новые хозяева не верят этому, но...

«Загадка женщины-призрака»

Взломщику как раз удалось открыть сейф, когда на него направили револьвер...

Э. Уоллес · Р. Марш
А. К. Дойл · Р. Киплинг
Ф. Хьюм · Дж. Лондон
Р. Стивенсон · Г. К. Честертон

ЗАГАДКА ЗОЛОТОГО КИНЖАЛА

СОКРОВИЩА
МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

**Э. Уоллес. Р. Марш. А. К. Дойл. Р.
Киплинг. Ф. Хьюм. Дж. Лондон. Р.
Стивенсон. Г. К. Честертон**

Загадка золотого кинжала

СБОРНИК

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2015

© DepositPhotos.com / MoreenB, grase, обложка, 2015

© Григорий Панченко, составление, 2015

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное
оформление, 2015

ISBN 978-966-14-9037-5 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Перед вами — колекція класичних детективних творів на будь-який смак: таємничих і захопливих, дотепних і іронічних, жахливих і таких, що викликають легку усмішку... Артур Конан Дойл, Гілберт Кіт Честертон, Едґар Воллес, Джером К. Джером, Джек Лондон, Роберт Стивенсон... 30 оригінальних і захопливих детективів різних стилів і напрямів, що увійшли до світової скарбниці жанру!

3-14 **Загадка** золотого кинжала. Сокровища мирового детектива : сборник / сост. и вступ. ст. к разд. Григория Панченко ; пер. с англ. Т. Коева, М. Маковецкой, В. Малаховой, М. Великановой, Г. Панченко, О. Образцовой, М. Коваленко, Е. Гамаюнова, А. Немировой, М. Таировой ; худож. А. Печенежский. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2015. — 496 с. : ил.

ISBN 978-966-14-8708-5 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3161-5 (Россия)

Перед вами — коллекция классических детективных произведений на любой вкус: таинственных и захватывающих, остроумных и ироничных, леденящих кровь и вызывающих легкую улыбку... Артур Конан Дойл, Гилберт Кит Честертон, Эдгар Уоллес, Джером К. Джером, Джек Лондон, Роберт Стивенсон... 30 оригинальных и увлекательных детективов разных стилей и направлений, вошедших в мировую сокровищницу жанра!

УДК 821.111

ББК 84.4ВЕЛ + 84.7США

Переводы печатаются в редакции *Григория Панченко*

Составление и вступительные статьи к разделам *Григория Панченко*

Перевод с английского *Темира Коева, Марины Маковецкой, Валерии Малаховой, Марии Великановой, Григория Панченко, Ольги*

*Образцовой, Марии Коваленко, Ефима Гамаюнова, Алины Немировой,
Марии Тауровой*

Дизайнер обложки Андрей Цепотан

Художник Андрей Печенежский

Знакомые незнакомцы

Классический британский детектив — до сих пор «король жанра», чемпион в своей весовой категории. А категория эта — высшая.

Конечно, время от времени какое-либо направление обретает бóльшую популярность: детектив-триллер, детектив-хоррор, полицейский детектив... Но дело даже не в том, что мода на них оказывается переходящей. Гораздо важнее, что все эти разновидности так или иначе группируются вокруг эталона. Того самого, который был задан британской классикой последних десятилетий Викторианской эпохи — и первых десятилетий после нее.

Впрочем, каноны классического детектива широки, при необходимости они могли вмещать многое. Это касается и литературных приемов, и авторского состава. К примеру, американец Брет Гарт без труда ухитрился быть и певцом «Дикого Запада», и уважаемым (но при этом едко ироничным) английским писателем, причем свой творческий путь он завершил именно в Британии. А Эдгар Уоллес прошел этот путь в противоположном направлении — однако его связь с культурным пространством английского детектива оставалась неразрывной даже в самых «американских» рассказах. Бертрам Флетчер Робинсон, соратник и соавтор Конан Дойла, использовал конаническую формулу «прозорливый сыщик и его недалекий помощник», но акценты в ней совершенно иные, чем в паре Холмс—Ватсон. Да и сам Конан Дойл, случалось, нарушал свои собственные каноны — даже если это порой требовало «встать на сторону преступника». Тут, конечно, необходимы кавычки, однако Эрнст Уильям Хорнунг обходился без них.

Все это «знакомцы» — даже Робинсон и Хорнунг, долгое время остававшиеся вне поля зрения наших читателей. Теперь же, по всем правилам, представим публике еще двух джентльменов.

Генри Сетон Мерримен, автор чрезвычайно многоплановый, с равным успехом создавал детективы как на «привычном фоне» (частные сыщики, полицейские, пространство лондонских улиц), так и

в военно-полевых декорациях. А писатель, скрывшийся под псевдонимом Ричард Марш, — его подлинное имя, Ричард Бернард Хелдман, стало известно с большим опозданием, — наоборот, тяготел к детективной классике (а также к... детективной фантастике), однако дополнял ее многочисленными «ноу-хау» с *той стороны*, демонстрируя изрядную осведомленность в области викторианского криминалитета. И неудивительно: Ричард Хелдман, прежде чем стать Ричардом Маршем, успел изрядно потрудиться на криминальной ниве, увидеть, как выглядит тюрьма изнутри, — и вовсе не горел желанием шокировать читателей этой частью своей биографии.

Так что, как видим, пространство британского детектива действительно способно вместить многое и многих.

Эдгар Уоллес

Найти Рекса

Кеддлеру, молодому юристу из городской прокуратуры, прочили блестящее будущее. Увы, однажды он устал довольствоваться материалом по делу, предоставленным трудолюбивыми, но абсолютно лишенными воображения констеблями, и начал собственное расследование, в коем преуспел — и настолько, что даже несгибаемый шеф полиции этот успех признал и предложил Кеддлеру пост у себя в Новом Скотленд-Ярде.

Конечно, тот с радостью принял предложение.

Но опять-таки увы — на государственной службе нет места самодеятельности. Кеддлер был определен в следственное отделение и вскоре понял, что вся его работа состоит в том, чтобы подготавливать те самые материалы по делу для своего преемника в прокуратуре.

Через полгода такого времяпрепровождения он подал прошение об отставке.

Вернуться на прежнее место он не мог, а потому — вопреки мнению друзей и мрачным прогнозам недавнего начальства — открыл в центре Лондона собственный офис, предлагая всем желающим услуги частного детектива.

Вскоре, несмотря на перечисленные выше зловещие предсказания, он приобрел и богатство, и известность — но если первое радовало, то второе скорее огорчало. И не потому, что Джон Кеддлер страдал излишней скромностью; просто уже трижды его опознавали именно тогда, когда жизненно важно было остаться инкогнито.

Он начал с работы на Провинциальный Банк по делу о фальсификации документов, в котором полиция потерпела неудачу, и постепенно набирал клиентуру — пока наконец не был призван Скотленд-Ярдом на помощь в поимке Рекса Джодера, он же Том-Милашка, он же Ламберт Соллон.

Несколько департаментов полиции жаждали привлечь Рекса за страховое мошенничество, выдачу себя за других лиц, кражи, подделку документов и иные преступления против собственности — самого разного рода. Главным обвинением, впрочем, было страховое мошенничество: некая весьма известная компания из Чикаго потеряла на этом семьсот тысяч долларов, которые очень хотела себе вернуть, — и вернуть, пока они не утекли сквозь пальцы Рекса, печально известного своей способностью прожигать чужие деньги.

Ради достижения столь желанной цели компания и наняла Кеддлера. Увы, в третий раз! От чрезмерно болтливых журналистов хитрый и безжалостный вор выяснил, кто именно представляет для него главную опасность, и два дня просидел в деревне, где располагался скромный коттедж врага. Стоило припозднившемуся Кеддлеру выйти из машины и открыть ворота, как ему на плечо обрушилось шесть фунтов мокрого песка. Песок был увязан в длинный мешок наподобие сардельки. Предполагалось, что удар придется не в плечо, а в голову — и окажется смертельным.

При иных обстоятельствах грустить бы нашему герою по непойманному вору до самого Страшного Суда, когда все, как известно, встречаются, однако преступник сам себе навредил, решив довести дело до конца.

Кеддлер не упал, а выхватил револьвер — но на дуле блеснул красный огонек от стоп-сигнала и выдал его Рексу.

Тот нырнул в кусты и скрылся, а наш герой, сами понимаете, был слишком хорошо воспитан для того, чтобы пугать соседей, среди ночи стреляя по удирающему преступнику. В некотором роде его можно было назвать рабом общественного мнения... но, однако ж, эта забавная история сослужила Кеддлеру добрую службу: он сосредоточил все усилия на деле Рекса — да так, что не прошло и недели, как полиция вскрыла некий сейф и обнаружила в нем аккуратные стопочки пропавших денег, оставленные введенным в заблуждение вором.

К этому результату привела изящная комбинация, для которой понадобились талант детектива, пьяный мужчина, напуганная девушка (Рекс был весьма слаб по женской части) и вырванные у нее неосторожные слова о ключе на шее возлюбленного. Поймали бы и

самого вора, но полиция немного перестаралась с подготовкой к операции.

Плод двухлетней работы — работы рискованной и требовавшей предельного напряжения ума — был утрачен. Сказать, что Рекс был в раздражении, — значит, ничего не сказать. Ему светило пожизненное заключение, причем светил им не кто иной, как Джон Кеддлер. И с точки зрения страховой компании, чью благодарность тот заработал, Кеддлер был гарантией неприятного для вора исхода.

Но... спрошенный своим доверенным лицом: «А как же Рекс?» — Кеддлер ответил:

— А он подождет. Если честно, он мне больше не интересен.

И тот ждал — в дешевой квартире на одной из узких улочек Ламбета[1]. Ибо как раз ему детектив был по-прежнему весьма интересен.

Джон Кеддлер тем временем с удовольствием принял предложение развеяться и расследовать похищение драгоценностей леди Брессвел. Эта леди жила на озере Комо, а Кеддлер питал к итальянским озерам особые чувства.

Этой поездке было суждено свести его с маркизой Делла Гарда — несчастнейшей из смертных.

С самого начала ее замужество оказалось под косою вопросительного знака, который грозился целиком и полностью скосить всякую правдивую информацию, чтобы та, не дай Бог, не задушила цветник толков и сплетен.

Семейство Делла Гарда, несомненно, ненавидело маркизу, урожденную Мону Харрингэй, и ненависть их произрастала из глубочайшего разочарования. Маркизу они называли *Secora Pelugnera* (благородное семейство питало слабость к испанскому — языку своих предков Борджиа[2]), то есть «госпожа Парикмахерша» — кличка, призванная подчеркнуть тот полузабытый факт, что ее отец был изобретателем «Эликсира Харрингэя для роста волос».

Этот брак во всех отношениях следовало охарактеризовать как «удивительный». Муж, Джокоми, не был обнищавшим троюродным

кузеном знатных господ — он являлся невероятно богатым главой семейства Делла Гарда. Таким образом, обычное объяснение того, что именно связало итальянского аристократа и дочку американского богача, в данном случае не подходит.

Встретились они в доме Харрингэв на Лонг-Айленде, где Джокоми Делла Гарда был в гостях. То был первый раз, когда он покинул Европу столь надолго, потому Джокоми страдал от тоски по дому, ощущал себя глубоко несчастным и, естественно, едва лишь встретив Мону, чисто инстинктивно на ней женился. Она же не смогла устоять перед сочетанием его приятной внешности и неотступности его ухаживаний.

Свадьба стала гвоздем светского сезона.

Любовная горячка отпустила Джокоми лишь тогда, когда мыс Сэнди Хук скрылся за кормой лайнера, сменившись ужасом пред несомненно грядущим семейным скандалом. Несмотря на милую внешность и прекрасные манеры, во всем остальном *милым* Джокоми отнюдь не был. Если точнее, им всецело владела жажда чужого одобрения — страсть пагубная, но наиболее близкая человеческому сердцу. Чем ближе была Генуя, тем меньше места в его сердце занимала жена — которая, вдобавок, успела уже утратить тот покров тайны, который, подобно болотному огню, всегда манил Джокоми и нередко заводил его в дебри приключений, но доселе не приводил к алтарю.

Мона осознала всю унылую тяжесть своей участи задолго до того, как ступила под холодные и давящие своды мрачного дворца, бывшего домом для шестнадцати поколений Делла Гарда. Ни суровое величие палаццо, ни очарование виллы Мендоса на берегах прекрасного озера Комо не могли заменить новобрачной утраченных иллюзий.

Однако единственная поездка на виллу не прошла даром.

Леди Брессвелл, дама добросердечная и порой весьма склонная поболтать, как раз показывала Кеддлеру красоты озера — благо, драгоценности удалось вернуть, и без скандала, неизбежного в случае вмешательства полиции. Потому дорогая моторная лодка ее светлости как раз пристала к берегу близ Карденавии, а слуги накрывали к обеду.

В этот-то миг из-за небольшого мыса вывернула лодка с юной девушкой.

Она гребла сама — уверенно и спокойно — и, кажется, не замечала леди и ее спутника, хотя и была от них всего ярдах в двенадцати.

Для Кеддлера все женщины прежде были, в общем, на одно лицо — но сейчас он замер в изумлении. Его очаровывало все: блеск солнца в золотисто-рыжих волосах, печать грусти на нежном личике, грациозный силуэт... казалось, то была не девушка, а видение из мира грез.

Он смотрел на нее, не отрываясь, до тех пор, пока лодка не скрылась за кустом фуксии, растущим на краю белого причала.

Тогда детектив глубоко вздохнул — и пробудился от оцепенения, чтоб услышать веселый смех леди Брессвелл.

— Кто это был? — спросил Кеддлер почти шепотом.

— Я уже дважды говорила, но вы были весь в своих мечтах, — улыбнулась леди. — Она хороша, правда?

— Кто она?

— Маркиза Делла Гарда. Американка, на которой женился Джокоми. Бедняжка — он тот еще мерзавец.

— О... — только и сказал Кеддлер.

Шестнадцать поколений парикмахеров, рабочих, угольщиков и крестьян — предки Моны по отцовской линии — передали ей смирение, терпение и способность вынести многое. Но по материнской линии ее предками были скорые на руку ребята, которые делали жизнь многих шерифов Дикого Запада до отворачивания веселой.

Когда Джокоми, пойдя на чудовищное нарушение брачных обетов, ударил жену, та достала из ящика туалетного столика пистолет.

Это было весьма разумно — потому что на тот момент ее мягкие упреки довели Джокоми до слез злости и тот отправился в соседнюю комнату за хлыстом. Обратный путь разгневанному супругу попытался преградить камердинер Пьетро Рома, тоже в слезах — бедняга обожал хозяйку и готов был за нее умереть. Ему едва не удалось это сделать: в ярости оттого, что кто-то посмел ему мешать, Джокоми использовал хлыст как палицу, изо всех сил раскроив Пьетро голову рукоятью.

Управляющий, когда его расспрашивали об обстоятельствах, при которых слуга получил рану, вспомнил, что услышал выстрел, но полагал, что это просто щелчок того самого хлыста, — до тех пор пока по лестнице не спустилась маркиза, в дорожной одежде поверх вечернего платья и со шкатулкой с драгоценностями в руках. Впрочем, даже и тогда он лишь удивился, с чего бы ее светлости собираться в дальний путь так поздно и в такую дурную погоду.

Потом были доктора, полицейские, чиновники... И наконец побледневшие Делла Гарда собрались на семейный совет.

Прошло больше недели с тех пор, как Джокоми упокоился в мрачном семейном склепе у святых Терезы и Иосифа, когда семья вдруг вспомнила про Джона Кеддлера.

Он пришелся к слову по случаю вестей о том, что Пьетро Рому, слугу с проломленной головой, в ту же ночь скрывшегося из поместья, видели в Лондоне.

— Если и она там, — задумчиво сказал Филипп Делла Гарда, — нам ее не найти, будьте уверены. Англичане — те же американцы, они сделают все, чтобы ее спрятать. Надо нанять Джона Кеддлера. Тем летом он нашел драгоценности леди Брессвелл, да и в посольстве о нем говорят с уважением.

Старший родич Филиппа, князь Паоло Кречивикка, задумчиво огладил седую бороду:

— Я буду в отчаянии, пока эта женщина не предстанет перед судом. И согласен — по всему выходит, что этот проклятый мерзавец Пьетро может быть с ней связан. Деллимоно говорит, это он рассказал Парикмахерше о том, что у бедного Джокоми была связь с девицей из оперы. Наверняка эти плебеи сдружились. Любой ценой найми сеньора Кеддлера. Телефонируй ему немедленно.

Тридцать шесть часов спустя Джон Кеддлер был уже в Риме. Чудесную скорость ему обеспечили воздушные перелеты Лондон—Париж, Париж—Милан и Милан—Рим. Хотя такая быстрота реакции породила у Делла Гарда обоснованную уверенность, что детектив заинтересован в работе, особого энтузиазма он не проявлял. Окончательно поскуучнел Кеддлер после того, как ему сообщили все, по выражению князя Кречивикка, прискорбные факты.

— В Англии ее, несомненно, оправдали бы, — поджав губы, сказал он. — Даже и в Италии... вы уверены, что разумно доводить дело до

суда? Пресса... скандал...

— Мы, — самодовольно обнажил в улыбке мелкие зубы Филипп Делла Гарда, — выше общественного мнения. Лет двести назад мы разбирались бы с Парикмахершей без помощи суда, но теперь...

Теперь, по мнению всего семейства Делла Гарда, следовало опозорить мерзавку публичным разбирательством — а вердикт присяжных значения не имел.

— Понятно, — только и сказал Кеддлер. — У вас есть ее фотография?

И лишь увидев фото, он осознал, что ему предстоит идти по следу той, что владела его мечтами, своей «Девушки на лодке». Он нахмурился, и лицо его приняло странное выражение.

— Сделаю что смогу, — сказал он.

Когда он покинул Рим, оставив своих нанимателей странно недовольными, Филипп Делла Гарда — считавшийся среди знакомых чем-то вроде спортсмена — принял решение.

— *Quis custodiet ipsos custodes?*[3] — спросил он. — Я отправляюсь в Лондон.

На аэродроме в Париже Кеддлера поймал журналист и взял интервью — которое, по удивительному стечению обстоятельств, прочла, сидя в Баттерси[4], Мона Делла Гарда:

Среди знаменитостей, предпочитающих воздушный транспорт для путешествия по континенту, оказался и известный частный детектив Джон Кеддлер. Как он сам заметил, авиация стала для него неоценимым благом. Например, когда он был вызван в Рим по делу об убийстве Делла Гарда, ему удалось совершить путешествие всего за сутки, тогда как сухопутным транспортом дорога заняла бы четыре-пять дней. Сейчас знаменитый детектив снова направляется в Лондон и, по его словам, надеется в скором времени передать маркизу в руки правосудия.

Разумеется, ни о Делла Гарда, ни о своих надеждах Кеддлер ничего не говорил. Он буркнул рекламному агенту авиационной компании хмурое: «Добрый вечер» — тем интервью началось и закончилось. Но Моне неоткуда было это знать, и она впала в дикую панику.

Ныне священный гнев оставил ее, и в силу вступила кровь шестнадцати законопослушных и богобоязненных парикмахерских поколений, ценивших человеческую жизнь и полагавших убийство явлением из мира газетных статей, столь же далеким от повседневности, как луны Сатурна.

— Вот интересно, мисс, читаете ли вы те клятые статьи в газетах? — спросила миссис Флеммиш, квартирная хозяйка.

То была провинциалка родом из Западного Девона, с вечно засученными рукавами и неукротимой энергией, у нее плита сияла ярче, чем корпус лимузина. Мона вышла на нее случайно и ныне жила в совершенном комфорте: миссис Флеммиш свято верила любому слову своих сестер по полу и ни разу не усомнилась, что мисс Смит — юная журналистка (Моне надо было как-то объяснить свой лихорадочный интерес к ежедневной прессе).

— Д-да, — кивнула она и побледнела.

Она часто бледнела последнее время; это делало ее еще более хрупкой и даже болезненной на вид и заронило в добрую хозяйку подозрение, что у ее гости — легочная хворь.

— Интересно, кто такой этот «Папа», который все пишет какой-то М. и просит ее телефагриговать... то есть телеграфировать... Вы не знаете, мисс, где это — Лонг-Айленд?

— В-в Америке, — быстро ответила та. — Близ Нью-Йорка.

— У-у! Небось из дому сбежала, — задумчиво заключила миссис Флеммиш. — Девки есть девки, даже в Америке. Но пусть бы отцу-то написала, да, мисс?

Мона кивнула.

Написать, да — отправить письмо. И это письмо уже было в пути — но оно разминется с адресатом посреди океана, потому что мистер Харрингэй в великом расстройстве сел на борт первого же корабля, шедшего в Англию.

Если бы можно было связаться с преданным Пьетро! Бедняга был в Лондоне, искал ее — безумие, конечно, ведь за ним наверняка следили. Как он мог найти ее и при этом не выдать?

Идея пришла на третий день после прибытия Кеддлера в Англию, и подали ее опять газеты: какой-то журналист нашел Пьетро среди бродяг и нищих на набережной Темзы и вытянул из него «неплохую историю». Может быть, он всегда там ночует? Стоило поискать. Мужская рука была бы сейчас очень нелишней в деле Моны, даже рука бедного преданного слуги.

— Вечером я должна кое-куда сходить, — сказала она хозяйке.

Та скривилась.

— Я б на вашем месте не выходила нынче, туман же поднимается, сами понимаете. Клятый этот лондонский туман. Читали про итальянскую леди-то в сегодняшней газете?

— Н-нет. — У Моны замерло сердце. — А что, есть свежие... то есть что за леди?

Миссис Флеммиш уселась в обитое цветастым хлопком кресло и зашуровала кочергой в камине.

— Они на нее детектива натравили. Как думаете, может, ее папаша объявления в газету шлет?

Мона с трудом, но взяла себя в руки и почти спокойно ответила:

— Может быть.

Миссис Флеммиш все смотрела в оранжевые и красные глубины камина.

— На ее месте, была б я богатая молодка, я бы уж знала, что делать, — вот те крест, знала бы.

Мона заинтересованно сдвинула брови — неожиданно было бы получить ключ к выходу из сложной ситуации от этой тетки, но...

— И что бы вы сделали?

— Замуж бы вышла за местного, вот что! Мой муженек был умница, как все эти валлийцы, и работал у адвоката в конторе. Он мне часто говорил: нельзя жену англичанина привлечь за преступление, совершенное за границей.

Мона сморгнула. Такая идея ей в голову не приходила — а если бы такое и случилось, она бы никогда не пошла на это. Даже самый безумный ученый не станет повторять эксперимент, который чуть было не стоил ему жизни.

— Денежки-то у нее всяко есть... — Кочерга ловко скользила между поленьев, охотясь за переливающимися разными цветами

угольком. — Купит себе мужа, потом разведется, ее по-любому никто и после развода тронуть не посмеет.

Мона стояла и задумчиво кусала свои алые губы; только когда миссис Флеммиш обернулась, она кивнула самой себе и резко ожила.

— Я пойду, — сказала она. — Ключ возьму с собой.

Бледно-желтый туман окутывал улицы, на которых даже сейчас было полно людей, — шел Адвент[5], как легко было понять по праздничным витринам. Пятна золотого света, прорывавшегося сквозь туман, отмечали большие магазины, а вдоль тротуара выстроились киоски, странно выглядевшие в неверном, дрожащем свете керосиновых фонарей.

Она сглотнула, вспоминая иные недели Адвента, которые прежде были в ее жизни, и ускорила шаг. Вдали, над сереющей пустотой реки, проступила мрачная громада моста.

До Вест-Энда она добиралась на такси, вышла в самом темном углу Трафальгарской площади и отправилась пешком к Нортумберленд-авеню. Она успела миновать сияющее огнями крыльцо Гранд-отеля и скрыться в тумане, когда молодой человек, поджидавший там машину, осознал, кого он видел, и в изумлении вскрикнул.

Она услышала голос, оглянулась и, с ужасом узнав Филиппа Делла Гарда, побежала — быстро, не глядя, сквозь густой туман; пересекла оживленную трассу и нырнула в улицу Грейвен.

Филипп Делла Гарда!

Он ненавидел Лондон в любое время года. Привести его сюда в декабре могло только одно, в страхе думала Мона. Они поймают ее и утащат в Италию, чтобы навсегда заточить в тюрьму. Об итальянских тюрьмах ходили жуткие слухи — как известно, убийц там заживо хоронят в подземных камерах, куда не достигает ни свет солнца, ни человеческий голос, с ними запрещено говорить даже охранникам и священникам, и так, во тьме и молчании, они медленно сходят с ума...

Кажется, она кричала; страх только усилился оттого, что она оказалась в плотной, непроходимой мгле, ныне казавшейся символом

грядущей участи.

Замужество ее спасет!

И безумная паника с безумной надеждой вкуче погнали ее вниз по Стрэнду. Она вглядывалась в лица мужчин, которые появлялись из тумана и в нем исчезали, не подозревая о ее великой задаче. Кто-то искоса подмигивал, кто-то, напротив, встречал ее изучающий взгляд холодно и сурово, а она пыталась решить свою судьбу в считанные мгновения, пока мужчина был еще на свету.

А потом ее накрыло вдохновение, и она ринулась вниз, на набережную. Там уже собирались бездомные — смутные, как тени, оборванные существа, так укутанные в лохмотья, что за людей их было сложно принять.

— У меня к вам дело. — Сердце ее отчаянно билось, когда она присела на самом Провидением уготованное пустое место близ мужчины, чье лицо только что рассмотрела в свете трамвайных огней.

Решение пришло мгновенно. В лице этого бродяги было что-то благородное, что-то выбивающееся из общей картины. Он не ответил, но подвинулся ближе.

Рядом с ними забормотал во сне нищий. У Моны сбилось дыхание.

— Не знаю, с чего начать... Я в беде. Скажу правду: я сделала кое-что в Италии, и теперь меня ищет полиция...

Продолжать она не могла физически.

— Полиция ищет, э? — В голосе бродяги мелькнуло странное удивление. — Сочувствую. Я и сам нынче в розыске.

Она невольно шарахнулась. Тот заметил и засмеялся. Мона взяла себя в руки: надо было идти до конца, каким бы горьким он ни был.

— У вас есть английское гражданство? — Минутное замешательство, кивок. — Вы женаты? — Мужчина помотал головой. — Если я вам дам денег, много-много денег, вы на мне женитесь? Срочно, прямо сейчас?

Он обернулся и уставился на нее в недоумении.

— Зачем?!

— Если... если я стану женой британского гражданина, они не смогут меня арестовать. Мне нужно только ваше имя, и я заплачу — чем угодно, сколько угодно!

Голос у нее совсем охрип от страха и волнения.

— Понял. Значит, хотите натурализоваться через замужество... Так?

Она кивнула.

— Это можно сделать быстро?

— Пожалуй, да. — Тот поскреб подбородок. — Завтра четверг, значит, если сделать оглашение, брак можно заключить в субботу. Вы где живете?

Она сказала.

— Годится: Баттерси мне почитай что родной. Если я... А-а, в любом случае встретимся в палате регистрации браков в субботу. Как вас зовут?

Она ответила, он задал еще несколько уточняющих вопросов. Умолк довольно надолго — кажется, что-то обдумывая. Мимо прошел, освещая путь фонарем, полицейский; бродяга наклонил голову, пряча лицо.

— И еще кое-что, — с мужеством отчаяния добавила Мона. — От вас мне нужно только гражданство. Как только все закончится — сразу разводимся, ясно?

— Угу, — кивнул тот и поднялся. — Пройдемся, — сказал он. — Провожу вас до Вестминстерского моста. Не удивляйтесь, если я вдруг перейду дорогу: будет очень неловко кое с кем встретиться, будучи в вашем обществе.

Она не возражала, и они пошли вдоль парапета. Стоило им поравняться с Иглой Клеопатры[6], как бродяга вдруг ухватил Мону за руку и оттащил в сторону. Туман развеялся, и стало видно, что вдоль тротуара идет высокий незнакомец, внимательно вглядываясь в лица спящих. Мону и ее спутника он не замечал — но сам был замечен.

— Если бы не вы, мисс, свел бы я с тем господином старые счета... — пробурчал бродяга.

Они дошли до конца набережной, и Мона отправилась домой, не смея ни о чем думать.

Пятница стала для нее днем адских мук. Мона осознавала, что вручает свою судьбу в руки человеку, который, по собственному

признанию, бежит от правосудия, и все же... и все же одна мысль страстно билась в ней: она должна, должна, должна рискнуть, иначе никак!

Утренние газеты сообщили новые подробности по делу Делла Гарда. В частности, там было интервью с Филиппом, который примерно половину полосы мелким шрифтом повествовал, как именно он увидел и опознал беглянку. Там же было сообщение, давшее Моне понять, с кем именно она собралась сочетаться браком. Касалось оно, вполне ожидаемо, Джона Кеддлера:

Мистер Кеддлер, нанятый семейством Делла Гарда для помощи полиции в поисках убийцы, также идет по следу международного преступника, известного мошенника Рекса Джодера, предположительно британца по происхождению. Его разыскивают за преступления, совершенные в Лондоне и в Нью-Йорке.

Осознание пронзило ее вспышкой молнии. Значит, тот прохожий на набережной был Кеддлер! Детектив, которого наняли ее разыскать. А ее жених — международный преступник. От такого озарения руки опустились, а уверенность в правоте серьезно поколебалась.

И все же после бессонной ночи, проведенной в размышлениях и тщательном взвешивании всех «за» и «против», она приняла решение, приведшее ее в офис регистрации гражданских актов.

С собой у нее была немалая часть денег, взятых из Италии: Мона давно предполагала, что ей придется бежать от жестокого мужа, и на этот случай держала деньги при себе. Внезапно она поняла, что не оговорила точную сумму платы за брак. Удовольствуется ли муж четырьмя тысячами фунтов? Впрочем, не важно. Стоит заключить брак — и она сможет связаться с отцом, а уж он-то способен удовлетворить любые запросы.

Оставалась одна опасность: вдруг этот человек не пожелает выполнить свою часть сделки — или, того хуже, не сможет? Но страх оказался пустым: стоило зайти в просторную прихожую офиса, как она увидела жениха. Сейчас, в наглухо застегнутом пальто, он выглядел куда презентабельнее, чем вчера. Мона даже нашла его симпатичным.

— Свидетельство будет выписано на вашу девичью фамилию, — сказал он шепотом. — Не волнуйтесь, оно от этого не перестанет быть

действительным.

Она кивнула (на большее сил не было), и они прошли в зал, где пожилой джентльмен медленно и старательно писал что-то, сидя за большим столом.

Он глянул на них поверх очков.

— Так, это у нас мистер... э-э-э... — Он глянул в свидетельство. — Минуточку, молодые люди, минуточку.

Они сели, и Мона решила, что самое время оплатить услугу.

— Деньги, — сказала она и переложила в протянутую руку свернутые в трубочку банкноты.

Тот равнодушно взял их и, не пересчитывая, сунул в карман пальто.

Клерк как раз закончил писать и подал им знак подойти.

Монотонный его голос, зачитывающий положенные слова, доносился до Моны как сквозь сон. В какой-то момент ее холодный палец обхватил ободок кольца.

— Вот и все! — радостно сообщил новобрачный. — А теперь идемте-ка пообедаем, вы плохо выглядите.

Мона отрешенно переводила взгляд с него на кольцо и обратно.

— Нет! Я не пойду! — с неожиданной силой сказала она. — Я ведь говорила! Я сейчас же ухожу, только сообщите, где я могу вас найти.

— Юная леди! — Голос говорившего был почти ласковым. — Я ведь рискнул для вас кое-чем, так? Теперь окажите мне ответную услугу. Там, под дождем меня ждет один джентльмен. Он за мной шел все утро, и для меня единственный шанс избежать неблагоприятных последствий — выйти отсюда в вашем обществе.

— Но я не хочу... — начала было Мона, но выражение его лица ее переубедило. — Хорошо. Идемте в ресторан.

И они вышли под дождь.

Шаг, два, три — и вдруг раздался звук вроде удара бича, и мимо лица Моны пронеслась на безумной скорости свинцовая пчела в смертоносном полете, а ее спутник бросился на незнакомца, стоявшего в дюжине шагов от них. Второй выстрел был в небо, и через мгновение Мона с ужасом смотрела, как двое мужчин катаются по земле, сцепившись в смертельной схватке.

Бой не продлился долго: словно из ниоткуда, возникли трое полицейских, одного из мужчин забрали, а второй вернулся к Моне, счищая с пальто налипшую грязь.

— Такого я от него даже не ожидал! — искренне сообщил он.

Мона, сама не своя от страха, только выдохнула:

— Кто это был?

— Рекс Джодер, мой старый приятель. Уже месяц за мной охотится, — пояснил ее муж.

— А вы, значит...

— Джон Кеддлер, да. И, кажется, я только что потерял клиента. Идемте пообедаем, и заодно я расскажу, как вы можете получить развод, — я ведь немного юрист, сами знаете. И да: позвольте вернуть вам деньги...

Ни один юрист не посмел бы однозначно утверждать, насколько, исходя из условий договора об экстрадиции между Британией и Италией, можно было бы привлечь Мону Кеддлер за совершенное в Риме деяние. Джон Кеддлер мудро воздерживался от этих споров. Он имел беседу с нанимателем; тот обрушился на него водопадом гневных угроз и отправился восвояси. Мона пережидала бурю в безопасном месте — но эта буря была лишь легким ветерком.

Зима сменилась весной, а весна — летом. Итальянское правительство заверило всех заинтересованных лиц, что «история» с убийством Делла Гарда — семейная трагедия, в которой нельзя найти виноватого. Когда лето вновь сменила осень, Мона Кеддлер отправилась в Нью-Йорк.

Как ни странно — хотя супруги встречались за обедом, за ужином и за чаем бесчисленное количество раз, — они доселе ни разу не обсудили как следует вопроса о разводе. И как ни странно, только стоя у трапа отправлявшегося на Нью-Йорк корабля, Мона задала так мучивший ее вопрос.

— Не понимаю, Джек, зачем вы на это пошли...

— На что?

Помедлив, Мона пояснила:

— На этот брак. Вы ведь, по сути, разрушили свою карьеру детектива. И развод... не представляю, как его можно будет получить без... без неприятных подробностей. В Англии ведь все так строго с

разводами. И вы теперь, по сути, соломенный вдовец. С моей стороны все это было диким актом эгоизма, но с вашей... Я не понимаю!

Он посерьезнел.

— Все это было сделано по самой невероятной причине.

— По какой же?

Но он был тверд и незыблем:

— Пусть она останется в тайне. Но если пожелаете, я сообщу ее вам в письме — только пообещайте не вскрывать конверт до тех пор, пока корабль не выйдет в открытое море.

Она пообещала, и он печальным взглядом с легкой болью в душе провожал уходивший из Саутгемптона «Олимпик» до тех пор, пока тоненькая фигурка на прогулочной палубе и носовой платок, которым она махала, не слились с другими фигурами и другими отчаянно трепетавшими носовыми платками.

Тогда он вернулся в город с камнем на сердце и четким пониманием, что жизнь его кончена.

В это время Мона в сотый раз перечитывала неровные карандашные строки:

*Потому что я люблю вас с того дня, как увидел в лодке на озере
Комо.*

Ее багаж лежал на палубе, и она смотрела на приближающийся французский берег с невыразимо радостной надеждой в глазах.

Кеддлер забыл, что корабль останавливался в Шербуре на пути в Америку[7].

Ричард Марш

Тайна Дубовой виллы

I

Трагедия в Барнсе стала событием дня — о ней кто только не говорил и в каких только газетах она не обсуждалась. А жертвой этой трагедии оказалась миссис Незерби, пожилая вдова, которая жила со своей служанкой в маленьком уединенном коттедже в Барнсе, на Шелбурн-стрит: коттедж этот был известен в окрестностях под названием «Дубовая вилла».

Они занимали коттедж лишь вдвоем, и когда служанка, которую звали Мэри Фриман, заболела, а вызванный на дом врач обнаружил все признаки тифа, в результате чего ее увезли в больницу, вдова Незерби осталась в доме совершенно одна. И с того момента, как карета «скорой помощи» увезла служанку в больницу, никто уже больше не видел вдову в живых.

В субботу утром доктор Энсон решил навестить ее. Шторы были опущены во всем доме, и он казался необитаемым. Доктор сперва постучал, затем позвонил и, не дождавшись ответа, ушел[8]. По его словам, тогда он предположил, что миссис Незерби не захотела оставаться одна и уехала погостить к друзьям.

Приходили и звонили в дом также различные поставщики, но затем, видя, что им не отвечают, удалялись. Итак, насколько было известно, никто не посещал вдову Незерби до вторника 26 марта.

Вечером этого дня вдову решила навестить ее дочь с мужем, Джорджем Пентоном. Пентоны жили в Путни, а воскресенье 24 марта провели в Вестклиффе[9]. Оттуда миссис Пентон послала матери извещение, прося ее провести с ними вечер во вторник. Однако в

Вестклиффе она ответа не дождалась и предположила, что мать написала ей домой, — но, вернувшись в Путни, тоже не нашла письма. И лишь через пару дней решила вместе с мужем навестить мать, чтобы узнать, не случилось ли с ней чего-нибудь.

Когда в семь часов вечера они с мужем подъезжали к Дубовой вилле, свет в доме виднелся лишь в одной из комнат — на втором этаже с фасада.

— Нигде ни огонька, кроме маминой спальни! — испуганно воскликнула миссис Пентон. — Что бы это могло значить?

Миссис Незерби имела привычку после наступления сумерек зажигать свет повсюду, даже в холле. В шутку она говорила, что без света ей скучно.

Как правило, миссис Пентон стучала в дверь особым образом, чтобы предупредить мать, что пришла именно она. Мистер Пентон, оставшийся внизу, заметил, что, когда жена постучала, свет в окне наверху исчез.

— Что случилось с Мэри? Она обычно такая проворная, — изумилась миссис Пентон.

— Свет в комнате твоей матери погас — наверно, она спускается к входной двери, — сказал ее муж.

— Могла бы поторопиться...

Миссис Пентон постучала еще раз, но снова никто не ответил. Она тревожилась все больше и больше.

— Джордж, наверно, что-то произошло! — срывающимся голосом воскликнула она. — Я чувствую, случилось что-то ужасное... Но что именно?

Теперь и муж разделял ее беспокойство. Они обошли дом со стороны кухни. Там было так же темно, как и с парадной стороны. Мистер и миссис Пентон знали, что все окна в доме миссис Незерби закрываются с помощью запатентованных задвижек — и, чтобы проникнуть в дом, нужно действовать со взломом.

— Как же нам быть?

Дрожа, миссис Пентон прижалась к мужу, чувствуя себя беспомощной и слабой перед лицом нависшей над ними неясной угрозы.

— Джордж, ради Бога, что же это?! Похоже, как будто...

Он прервал ее:

— Похоже, кто-то отворил и закрыл входную дверь.

— Джордж, только не уходи!

Миссис Пентон держала мужа за рукав и цеплялась за него со всем упорством женской слабости.

— Тогда иди со мной! — возразил супруг. — Но поскорее! Нужно посмотреть, кто вышел через парадную дверь.

— Джордж!

По ее восклицанию и судорожным движениям руки он понял, что сейчас начнется нервный припадок. Джордж успокоил жену, как мог, но при этом потерял драгоценное время. Теперь было уже не узнать, кто открыл и закрыл входную дверь и вышел за ворота. Если бы миссис Пентон не задержала мужа, тайна перестала бы быть тайной в первую же ночь.

В соседнем доме жила семья Томас — муж, жена и взрослые сын и дочь. Томас, будучи адвокатом, посоветовал прежде обратиться в полицию, а уже затем вместе с ее представителями входить в дом.

Спустя короткое время явился полицейский сержант с двумя констеблями. В их присутствии из окна кухни было выдавлено стекло, и первым через него проник мистер Пентон. Потом он отворил для остальных кухонную дверь.

Сержант, миссис Пентон и Томас с сыном вошли в дом. Они осмотрели его, зажигая газ в каждой комнате, в которую заходили, но никого и ничего, что свидетельствовало бы о причине трагедии, не обнаружили. Дом был пуст.

Только один предмет во всем доме привлек их внимание... Полоска ковра у постели миссис Незерби оказалась влажной, вернее мокрой, до такой степени, как если бы кто-то умышленно полил его водой. Именно в этой комнате Пентон и видел свет через штору. Кто-то был здесь, когда они стучали снаружи, и залил ковер. Но кто это был, оставалось неясным.

Ковер тотчас отослали на экспертизу, однако специалист, проводивший исследование, пришел к выводу, что в нем нет ничего примечательного — от крови, если она там и была, очевидно, не осталось и следа.

И главный вопрос, который встал перед полицейскими: что же случилось с миссис Незерби?

Казалось, она исчезла с лица земли. Известно было лишь, что в пятницу горничную увезли в больницу и пожилая женщина осталась одна, а в понедельник утром чеки с ее подписью обналичили в нескольких местах — но только не у ее обычных банкиров! Чеки на разные суммы, как обнаружилось, были обналичены у поставщиков товаров, с которыми миссис Незерби вела те или иные дела. Для такого состоятельного человека, как она, кредит был открыт повсюду.

И, видимо, эти места хорошо знал кто-то из преступников: всюду повторялась одна и та же история. В лавку входила женщина и заявляла, что она пришла от миссис Незерби из Дубовой виллы, заказывала массу товаров и рассчитывалась чеками, которые каждый раз намного превышали сумму покупки. Потом женщина брала сдачу и уходила. Кроме того, она во всех случаях упоминала, что миссис Незерби уехала ненадолго отдохнуть и просила послать ей товары по новому адресу. Каждый раз адрес она сообщала иной, но неизменно это был адрес какой-нибудь гостиницы. Покупки исправно доставлялись в каждую из названных гостиниц, но за ними никто не являлся.

Что было характерно, все чеки вместе — а их насчитывалось двадцать три — почти в точности достигали суммы, аккредитованной в банках на имя миссис Незерби. Очевидно, некто в общих чертах знал дела вдовы — и не желал возбуждать тревоги среди банковских служащих, превышая счет.

Кроме того, вскоре выяснилось, что в понедельник утром, на третий день после того, как Мэри увезли в больницу, какая-то женщина явилась в банк, где находился сейф миссис Незерби, с якобы собственноручно написанным ею письмом. В письме миссис Незерби, ссылаясь на то, что больна и не может выйти из дому, просила отдать ключи от сейфа своей горничной Мэри Фриман.

Ключ отдали, и, когда потом служащие банка вновь получили возможность заглянуть в сейф, оказалось, что «Мэри Фриман» захватила с собой все, что в нем находилось...

Газеты не очень-то сочувственно отнеслись к Скотленд-Ярду и возможностям его сотрудников. Об этом легко можно было догадаться даже по разговорам, которые вели между собой его агенты.

— Дэвис, вы читали вечерний выпуск «Скричера»?

Инспектор Дэвис, которому был адресован этот вопрос, издал восклицание, ничуть не выражавшее удовольствия.

— Да, читал... — неохотно сознался он. — Хорошо им трепаться, писакам, а вот попробовали бы сами расследовать это дело!

— И до сих пор тайна Дубовой виллы остается тайной и мы не знаем, где находится миссис Незерби...

— А я говорю вам, Эллис, что с нашей стороны было сделано все, что позволяют английские законы. Этим писакам только и дел, что давать заурядным случаям самые незаурядные названия.

Как раз в это время затрещал телефон, и Эллис взял трубку.

— Слушаю.

— Кто говорит?

Судя по голосу, вопрос был задан девушкой или молодой женщиной.

— Скотленд-Ярд.

— А кто у телефона?

— Помощник инспектора Стивен Эллис. А со мной кто говорит?

На вопрос ответили вопросом:

— Хотите разгадать тайну Дубовой виллы?

— Кто вы?

Эллис, следуя примеру своей загадочной собеседницы, тоже начал отвечать вопросом на вопрос.

— Если хотите разгадать эту загадку, через полчаса будьте у Регент-серкус[10], перед входом в кафе Пончини. Купите бутоньерку из подснежников и фиалок и воткните в петлицу пальто. Возьмите с собой двух-трех переодетых в штатское агентов — не разговаривайте с ними, но пусть они будут на всякий случай под рукой. Понятно?

Голос умолк, и на свой следующий вопрос Эллис ответа не получил.

— Похоже, опять кто-то желает сыграть с нами шутку, — задумчиво произнес он, вешая трубку. Он передал старшему инспектору услышанное и добавил: — Я отправляюсь в кафе Пончини, да и вам, Дэвис, хорошо бы туда пойти. Возьмем с собой трех парней

покрепче. Возможно, это очередная идиотская шутка, но мы не должны упускать ни единого шанса, если уж он нам предоставляется.

Полчаса спустя Эллис вошел в кафе Пончини. Едва он перешагнул порог, как услышал:

— Добрый вечер, господин Эллис! Вы пришли исключительно вовремя.

Сказавшая это девушка была, как решил про себя Эллис, очень хорошенькой.

— Это вы говорили со мной по телефону?

— Пройдемте и возьмем кофе. Так будет намного удобнее разговаривать.

Она провела его мимо длинного ряда столов с мраморными досками. По обеим их сторонам тянулись скамейки, покрытые пунцовым бархатом. Незнакомка села и предложила Эллису занять место рядом с ней.

— Закажите кофе, и поговорим.

Кофе заказали. Эллис внимательно разглядывал собеседницу. Она с милой улыбкой встречала его взгляд. Помимо того, что она была очаровательна, особенно приметной ее чертой являлась живость в движениях и во взгляде.

— Кто же вы? — спросил он, когда кофе был подан. — И что побудило вас ко мне обратиться?

— Я читаю чужие мысли, — ответила она.

— Да неужели? И что вы можете прочесть в моих?

— Нет, ваши меня не интересуют. Но я гляжу на лица тех, кто сидит сейчас вокруг, и знаю не только то, что они думают, но и что говорят, даже не слыша их... Вот посмотрите на тех двух молодых людей в конце стола — один из них, с усиками, рассказывает другому о девушке, которая сидела рядом с ними в омнибусе. Он говорит, что она дала ему свой адрес, а вот сейчас он читает этот адрес по бумажке, которую только что достал из кармана. «Руфь Дэннис, Баркхамс-стрит, 21 — вот где она живет, и, клянусь, я навещу ее там!» — говорит он своему приятелю.

— Какой, вы сказали, адрес?

— Я записала его, так что ошибки быть не может, проверьте после, если хотите, дело не в этом... А вот наконец и тот, кто нам нужен, — продолжала загадочная девушка. — У него бритое лицо, и он сел как

раз напротив — значит, сам дается нам в руки. На такой дистанции у человека не может быть от меня тайн...

— Это одна из обычных шуток над полицией? — сердито спросил Эллис. — Да кто там, собственно, сидит? И прежде всего, кто вы такая?

— Ах, не все ли равно, кто я! И я не знаю, как зовут этого человека, но знаю, что он тот, кто нам нужен. Вы скоро сами это увидите. Сейчас к нему присоединится приятель...

В тот самый момент, когда она это сказала, в кафе вошел мужчина и принялся оглядываться. Увидев человека за столом, он поторопился к нему подойти. Вошедший был невысоким, плотно сложенным мужчиной, еще сравнительно молодым, с квадратной челюстью.

— Вот это хуже, он сел спиной ко мне! — воскликнула собеседница Эллиса. — Я не смогу понять, что он будет говорить, но мы поймем достаточно по ответам другого.

По-видимому, собеседники даже не обменялись приветствиями, а сразу же погрузились в разговор.

— Пейте ваш кофе и не смотрите туда, — сказала девушка Эллису. — Я буду следить за ними, этого достаточно. Меня они не заподозрят. Ага, вот они замолчали на время, а потом один из них сказал: «Я принес».

— Принес что?

— Вы скоро увидите это сами. Они обсуждают то, что приведет их на виселицу.

— Позвольте вам дать один совет, юная леди. Не заходите в своих шутках чересчур далеко! За кого вы меня принимаете?!

Эллис был разгневан сверх всякого предела.

— Если вы решите, что я шучу, то всегда успеете уйти, — хладнокровно возразила девушка. — А теперь сидите спокойно. Вы привели с собой констеблей? — спросила она после паузы.

— Да, и они пригодятся для вас, если зайдете в своей шутке слишком далеко!

— Не будьте глупцом! Пригласите одного из ваших людей сюда. Прикажите ему не спускать глаз с того, кто пришел первым, и следить за ним, когда он выйдет. Ваш человек не должен терять его из виду — и пусть потом сообщит о его действиях. А вот и второй уходит, мы с вами последуем за ним... Скорее пошлите вашего человека!

Тот из подозреваемых, который появился позже, встал с места. Что-то особенное в интонациях девушки заставило Эллиса, как ни странно, повиноваться почти против воли. Он тоже встал. Девушка прошептала:

— Тот человек говорит, что идет в «Эмпайр»[11], и мы последуем за ним. Подождите меня снаружи...

Эллис покинул кафе, чувствуя, что не подчиниться он не может. Пока девушка расплачивалась за кофе, к Эллису приблизился инспектор Дэвис. Человек с квадратной челюстью вышел на улицу, и девушка направилась за ним.

Эллис шагал рядом с ней, не упуская из виду человека, который направлялся вдоль Ковентри к Лейчестер-сквер.

— Откуда вы узнали, что он идет в «Эмпайр»? — спросил Эллис у своей спутницы.

— Я видела, как он говорил об этом.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать. Вы утверждаете, будто *видели*, как он говорил, но между тем мы его не слыша...

— Это вы поймете впоследствии. А пока вам достаточно знать, что он, как вы сами можете убедиться, идет в «Эмпайр» и что, стало быть, я права.

Человек действительно повернул к театру.

— Мы тоже пойдем туда, — сказала девушка. — Хотя я не думаю, чтобы он там долго оставался, ведь сегодня у него другая цель.

У театра они увидели, что человек говорит с какой-то женщиной, и остановились неподалеку от них.

— Он говорит ей, — отметила спутница Эллиса, — что ему жаль, что дело обернулось таким образом, но пренебречь ситуацией он никак не может... Теперь он уходит, и нам нужно подумать, как его выслеживать — в автомобиле или кэбе.

— Возьмем такси, — решил Эллис.

Размышления о загадочной девушке все больше и больше завладевали его сознанием. Его неотступно преследовала мысль, что она просто желает над ними подшутить, и в то же время возникало недоумение, чем все это закончится.

Коротышка тоже отъехал от входа в театр в такси, и, если бы верх его машины не была опущен, ему удалось бы увидеть, что следом едет другое такси, причем с открытым для лучшего наблюдения верхом.

Спустя некоторое время девушка снова обратилась к Эллису:

— Есть тут поблизости какая-нибудь крупная больница?

— Да, конечно! Суррей-хоспитал как раз перед нами.

— Вы не могли бы захватить пару констеблей? Сейчас они могут нам пригодиться.

Впереди рабочие ремонтировали мостовую. Преследуемый автомобиль притормозил, и, воспользовавшись этим, девушка вновь повернулась к Эллису.

— Вам нужно посадить в наше такси констеблей, чтобы они все время были с нами. Вон там, за углом, я вижу, стоят двое.

Эллис выскочил из машины и вскоре вернулся с двумя полисменами, которые по совету девушки разместились на полу автомобиля, держа каски в руках, благодаря чему стали полностью невидимыми извне.

Между тем первый автомобиль тронулся и, обогнув угловой дом, вновь показался на дороге. У Эллиса возникло впечатление, что за это время коротышка для чего-то выходил наружу.

— Интересно, взял ли он это с собой? — задумчиво произнесла девушка.

— Что?

— То, за что его повесят.

— Если бы вы наконец перестали говорить загадками... — сказал Эллис почти умоляюще.

Они проехали еще около мили, и шофер сообщил:

— Машина, за которой мы следим, остановилась, пассажир покинул ее и вошел в больницу.

— Остановитесь там же, у подъезда! — приказала шоферу девушка. — Нам следует пойти за ним туда, — обратилась она к Эллису. — И предупредите швейцара, что мы должны увидеть вошедшего сейчас же, прежде чем он сумеет освободиться от того, что несет с собой!

Они вышли из экипажа. К ним сразу же приблизился швейцар с галунами.

— Проведите нас немедленно к господину, который вошел перед нами! — повелительно обратился к швейцару Эллис.

Тот заметно колебался.

— Как ваше имя и какое у вас к нему дело? — проговорил он наконец. — Может быть, док... э-э... этот господин не желает, чтобы

его беспокоили!

— Я заместитель инспектора Скотленд-Ярда и приказываю вам тотчас провести меня к нему!

Швейцар повиновался. Эллис с девушкой направились за ним по коридору, следом шли полисмены. Остановившись перед дверью, швейцар сказал:

— Он здесь, вероятно.

— Подождите, — проговорила девушка, — полисмены пускай останутся у дверей, пока их не позовут... А теперь отворите дверь!

Все было сделано так, как потребовала девушка, и они вошли в комнату. Там был только один человек — именно тот, за которым они следили. Он стоял у стола и был занят разглядыванием содержимого какого-то свертка.

— Эй! — крикнул он, услышав, что дверь отворяется. — Кто там?

Девушка прошла вперед, Эллис вслед за ней.

— Видите! — воскликнула девушка, указав на страшный предмет, который человек небрежно вертел в руках.

— Что вам здесь надо? Симпсон, для чего вы завели сюда этих людей? — обратился он к швейцару.

— Вот голова миссис Незерби! — воскликнула девушка. — И, боюсь, это все, что от нее осталось...

Коротышка уставился на нее, и выражение его лица мгновенно изменилось. Теперь во взгляде его был страх.

— Энсон вам все рассказал? — проговорил он.

— Энсон... Вот имя, которое я не могла уловить. И до чего же я глупа, ведь могла бы догадаться: Энсон — это доктор в Барнсе, — сказала девушка. — А теперь быстро! Арестуйте этого человека, и поспешим к Энсону! Он-то нам больше всех и нужен... А вот этот джентльмен вряд ли будет отрицать, что предмет, который он держит в руках, — действительно голова миссис Незерби из Дубовой виллы.

— Ваше имя? — осведомился Эллис.

— Я доктор Линтот, хирург этого госпиталя. А кто вы такой и что вам здесь надо?

— Я полицейский и намерен вас арестовать, поскольку вы замешаны в убийстве миссис Незерби из Дубовой виллы в Барнсе.

Он позвал в комнату констеблей.

— Арестуйте этого человека! — приказал Эллис.

— Что за вздор! — воскликнул доктор Линтот.

— Вы слышали, что заявила эта леди? Действительно ли у вас в руках голова миссис Незерби?

— Откуда я знаю, чья это голова? Я принес ее сюда, чтобы препарировать, как обычно, поскольку завтра у меня практические занятия со студентами, и...

— А я вам говорю, что это голова миссис Незерби, — упорствовала девушка, — и нечего с ним разговаривать так долго! Если мы замешкаемся, то не поймает доктора Энсона.

Несмотря на возражения, на доктора Линтота надели наручники, затем посадили его вместе с полисменами в то самое такси, на котором он приехал, и туда же поместили страшный предмет.

Эллис с девушкой отправились на втором автомобиле в Барнс. Их путь был длинным, и Эллис забрасывал спутницу вопросами, на которые она упорно отказывалась отвечать.

— Теперь вам осталось лишь разгадать тайну Дубовой виллы, — сказала она, — и вы это сделаете, я уверена, до наступления ночи. Какую роль я во всем этом играю, пояснять сейчас нет нужды... Закончив, вы получите все объяснения! Чувствую, что главный преступник, за которым мы сейчас гонимся, ускользает от нас.

Экипаж остановился. Некто, стоявший на мостовой, подошел к ним. Лицо его было неразличимо в опустившихся на город сумерках.

— Кто это? — проговорил Эллис. — Это вы, Дэвис?

— Человек, за которым вы велели мне следить, — инспектор Дэвис обратился с этими словами, разумеется, не к своему подчиненному, а к его спутнице, — оказался доктором Энсоном.

— Вы проследили его до самого дома? — быстро спросила девушка.

— Да. Он приехал в Барнс на поезде, а затем шел пешком.

— Как вы думаете, он знает, что за ним следят?

— Похоже, может предполагать... Он два раза останавливался и оглядывался.

— И видел вас?

— Этого я не скажу наверняка.

— Но это возможно? — настаивала девушка и, видя, что инспектор молчит, воскликнула: — Так я и знала! Вот откуда мое предчувствие...

Оставив автомобиль на дороге, они пешком направились к дому. Инспектор остался у ворот, а двое остальных проследовали в холл.

Открыла им горничная. На вопрос, дома ли доктор Энсон, она ответила, что сейчас доложит ему, и пригласила войти. На следующий вопрос — в какой именно комнате он может быть? — горничная ответила не словами, но жестом, указав на дверь в конце коридора.

Эллис, сообщив, что сам о себе доложит, направился к двери. Но напрасно он пытался повернуть ручку: дверь была заперта изнутри. Он постучал, ответа не последовало... Постучал громче, затем крикнул: «Доктор Энсон!» — но ответом ему по-прежнему было молчание.

— Вы уверены, что доктор там? — спросил Эллис горничную.

— Да, я видела, как он вошел, и не слышала, чтобы выходил.

— Придется ломать дверь, — сказала девушка, до сих пор стоявшая молча.

Эллис попробовал нажать плечом, но дверь не поддавалась. Тогда он вышел за Дэвисом.

— Горничная говорит, что доктор в кабинете, но на стук он не отвечает... Придется ломать дверь.

— Это запросто! В нынешних новомодных домах редко попадаются двери, которые я не мог бы выломить.

Сказав это, Дэвис обернул платком руку и резко ударил могучим кулаком по дверной филенке. Она проломилась, точно была сделана из картона. Дэвис заглянул в отверстие.

— Энсон сидит в кресле перед столом, но что-то тут неладно... — пробормотал он.

Потом, ударив еще раз, расширил отверстие, просунул в него руку и отворил дверь изнутри ключом.

Все трое вошли в комнату. Доктор Энсон действительно сидел перед столом в спокойной позе, но был мертв.

Инспектор прикоснулся к его руке.

— Еще теплый. Он умер минут пять назад, не более...

Эллис нагнулся к мертвецу, понюхал его губы.

— Это цианистый калий. Возможно, он принял его, когда я начал стучать. Конечно, это самоубийство.

— Я говорила, он понял, что за ним следят. Когда постучали в дверь, он решил, что все кончено... Теперь я могу уйти, я больше здесь не нужна.

И девушка повернулась к двери. Дэвис запротестовал:

— Да помилуйте, мисс! Теперь ваше присутствие необходимо больше, чем когда-либо. Еще не все разъяснено...

— Это очень легко и займет минут пять, не более, — возразила она. И, посмотрев на Эллиса, с лукавым блеском в глазах добавила: — Я учительница в школе для глухонемых детей...

— Но ведь это ровно ничего не объясняет!

— Нет, объясняет. Я учу читать по губам, то есть учу глухонемых замечать движения губ у здоровых людей и имитировать эти движения. Благодаря этому они учатся говорить сами и понимать речь других. В своем деле я считаюсь экспертом. Мои родители тоже были учителями глухонемых, и я унаследовала от них этот навык, довольно редкий, но, как видите, не связанный с чем-то сверхъестественным. Поэтому, где бы я ни была, мне стоит только понаблюдать за лицами, и я на расстоянии могу узнать, о чем люди говорят между собой.

— Неужели это правда? — с сомнением проговорил инспектор.

— Кажется, сегодня я достаточно это доказала. Вчера вечером я была в кафе Пончини. Против меня сидели двое — один из них был этот умерший, другой — доктор Линтот. Было уже поздно, и мне показалось, что они, должно быть, уже хорошо пообедали, особенно доктор Линтот, который и привлек мое внимание своим чрезмерно веселым видом. Я подумала, что, судя по всему, они врачи, потому что говорили о медицине, о препаратах и о том, насколько трудно их доставать. Вдруг доктор Линтот заинтриговал меня вопросом: «С этой старухой из Барнса мы почти покончили, ведь так?» Другой, доктор Энсон, не ответил. А Линтот продолжал: «По ней будут учиться во всех главных лондонских больницах. А ведь признайтесь, без меня бы вам не обойтись! Самому приятно вспомнить, как ловко я помог вам выйти из затруднения». Энсон потребовал, чтобы он больше не говорил такого. «Ну хорошо, не буду, — сказал доктор Линтот, — но все же вы не помешаете мне выпить за старушку Н. как за ценное учебное пособие!»

Последние его слова поразили меня. С самого начала разговора, когда он упомянул о старушке из Барнса, я почему-то подумала о миссис Незерби... Кроме того, передо мной лежал вечерний выпуск газеты, где была большая статья об этом деле. И тут я ясно увидела, как он сказал: «...старушку Н.»!

— А как далеко от вас они сидели? — спросил Эллис.

— Через два стола на другой стороне зала. Потом я видела, как Линтот спросил: «А что вы сделали с остальным?» Доктор Энсон, видимо, колебался, но сказал: «Остается голова...» Затем они наклонились друг к другу так, что я не могла видеть лиц, и принялись шептаться. И наконец оба встали, чтобы уйти. «Так, значит, завтра вечером в подходящем для этого месте?» — произнес Линтот. «Да, и по дороге домой вы ее захватите!» Они вышли из ресторана, я последовала за ними. Тут я с полной ясностью осознала, что старушка, о которой они говорили, действительно миссис Незерби из Дубовой виллы, о таинственном исчезновении которой говорит весь Лондон. Я была уверена, что права, поэтому решила позвонить вам.

— Вы сказали нам все, кроме своего имени, — заметил инспектор.

— Меня зовут Джудит Ли.

— Погодите немного, — проговорил Эллис, когда она собралась уйти, — вот предмет, которая вас заинтересует.

На столе лежала пачка исписанной бумаги, а поверх нее — обрывок листа, на котором было набросано несколько строк.

Эллис взял его в руки и громко прочел:

Три человека вошли за мной в вагон и сразу же пробудили во мне подозрения. Потом эти трое вышли за мной в Барнсе. Они стремились оставаться незамеченными, но тщетно — я прекрасно понимал, что у каждого из них в кармане лежит пара наручников для меня. Когда постучат в дверь, я умру. Кладу этот листок на рукопись, которая многих избавит от излишних хлопот.

III

Рукопись эта до сих пор хранится в архивах Скотленд-Ярда и служит любопытным образцом исповеди преступника.

Из первых строк становится ясно, что траты доктора Энсона намного превышали его доходы и наступило время, когда он оказался на краю пропасти. В таком же точно положении находился его закадычный друг, доктор Линтот из Суррей-хоспитал. Они были вполне достойны друг друга. Однажды вечером, когда они обсуждали

свои расстроенные дела, Линтот спросил, нет ли среди пациентов Энсона человека, за счет которого они могли бы пожить... Вопрос был задан в шутку, но Энсон воспринял его более чем серьезно. Он сразу же остановился на старушке Незерби, даме очень состоятельной и жившей достаточно одиноко. Кроме того, родные ее тоже были богаты, так что, кроме самой Незерби, Энсон и Линтот никому не причинили бы особых неприятностей, если бы решили поправить свои дела за ее счет!

Да, именно так они рассуждали...

На обдумывание плана у них ушло два дня. Как признавался доктор Энсон, они отнеслись к факту убийства пожилой женщины совершенно хладнокровно, их беспокоил только вопрос, куда деть тело. Линтот заявил, что улаживание этого вопроса он берет на себя. Если удастся сделать так, что в дом миссис Незерби хотя бы около суток никто не будет заходить, можно расчленив труп и развезти части тела по лондонским больницам в качестве материалов для обучения начинающих медиков...

В пятницу 22 марта выяснилось, что горничная миссис Незерби заболела тифом. Доктор Энсон сообщил об этом в муниципалитет, и девушку в тот же день отправили в больницу из-за опасности эпидемии. Как утверждал в своей письменной исповеди Энсон, лишь после того, как девушка была помещена в больницу и он остался в доме наедине с миссис Незерби... о, будто бы лишь тогда ему пришло в голову, какой это отличный случай привести в исполнение все, что они с Линтотом задумали... По его словам, искушение пришло в такой форме, что противостоять он не имел силы. И спустя всего десять минут после того, как девушку увезли, ее хозяйка была мертва: Энсон убил старую женщину собственными руками.

После этого он завладел бумагами старушки и увидел, какую сумму может получить в банке, а также извлечь из сейфа. Спрятав тело убитой под кроватью, он захватил с собой бумаги и отправился по обычным визитам...

На другой день доктор Энсон вернулся и в присутствии кэбмена постучал в двери виллы. Не дождавшись ответа, он громко сказал, что, вероятно, миссис Незерби уехала.

Затем он отправил телеграмму Линтоту, и тот вечером пришел к нему. Узнав, какой суммой они могут располагать, приятель Энсона

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ